

Петр Северцев

Хакер и его тень

Хакер

Петр Северцев

Хакер и его тень

«Научная книга»

Северцев П.

Хакер и его тень / П. Северцев — «Научная книга», — (Хакер)

Расследование, которое ведут частный сыщик Валерий Мареев и его верный компьютер, сталкивает их с руководством процветающей коммерческой организации «Марат». Но главной фигурой в этом непростом деле оказывается некая Маргарита Акаева – в прошлом столичная журналистка, а ныне продавщица, мстящая за свою поруганную честь и изломанную судьбу

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ ХАКЕР И ЕГО ТЕНЬ

Никогда не думал, что мне придется попасть в сумасшедший дом. Даже в качестве сыщика.

Однако, как это ни странно, в данную минуту я направляюсь именно туда. И это вместо того, чтобы спокойно сидеть дома, изучать новую версию электронного веника для виндов или просто спать.

Но приходится. Назвался груздем – полезай в кузов, назвался трехдюймовочкой – полезай в дисковод, назвался частным детективом – отправляйся по зову трубы, то бишь клиента, куда угодно, в данном случае в психушку.

Потому что репутация обязывает. А что бы вы стали делать на моем месте?

Представьте себе такую ситуацию. Приходит ко мне очередной клиент: дама в три обхвата, на пальцах кольца в два ряда, на вид – типичный завмаг доперестроечных еще времен. Представляется Розой Гагариной – по-моему, чересчур романтическое имя для такого облика – и излагает мне свои проблемы.

– Я получила ваши координаты, – говорила она, шурша еженедельной рекламной газетой, где я оплатил место на год вперед и теперь из номера в номер там печатается мое объявление, – и решила посмотреть, что вы из себя представляете, прежде чем заключить договор. Скажите, а вы действительно профессионал?

При этом посетительница внимательно оглядела мою кухню (она же – столовая, она же – гостиная, она же – приемная) и недоверчиво хмыкнула. Что же Роза рассчитывала здесь увидеть?

Пистолет на тумбочке, мощную лупу или рубашку с манжетами, окровавленными после смертельной схватки с опасным противником?

Что касается пистолета, то он у меня, действительно, имелся, но я предпочитал не пользоваться оружием. Манжеты были и вправду не первой свежести, но отнюдь не из-за крови, а, скорее, из-за отсутствия хозяйки в доме – рубашка давным-давно просилась в стирку.

А лупа валялась где-то на антресолях. И зачем же мне лупа, когда у меня есть Приятель – так я прозвал свой компьютер. Ведь машина сможет увеличить все, что требуется не хуже – а на самом деле гораздо лучше – любого электронного микроскопа.

– Давайте для начала я покажу вам свою лицензию, – предложил я и вышел в соседнюю комнату.

Там-то и обитал мой Приятель. Документ, за которым я отправился на самом деле лежал у меня в кармане пиджака и я мог бы предъявить лицензию тотчас же. Но у меня возник в голове план и я решил разыграть небольшой спектакль.

Быстро подойдя к компьютеру и набрав в строке системы поиска имя, отчество и фамилию своей клиентки – Роза Валериановна Гагарина, я уже через минуту получил данные, которые Приятель смог снять из сетей. Моя машина была обучена шнырять где угодно и могла проникать в самые укромные уголки как Интернета, так и отечественных электронных систем информации.

Я научил свою машину всему, что знал сам, а дальше уж Приятель рос как мог, благо в его электронные мозги был заложен алгоритм саморазвития, а современные возможности взлома практически любых баз данных совершенствовались с каждым днем. Да что там день! Наверняка, с каждым часом.

Быстро просмотрев полученную информацию, я вернулся к посетителю. Роза внимательно изучила копию моей лицензии и, судя по ее лицу, осталась не очень-то довольна.

– Уж и не знаю, справитесь ли вы... – произнесла она, даже не пытаясь скрыть сомнение.

– Отчего бы не попробовать? – дружелюбно улыбнулся я. – Справились же вы, например, с руководством оптовой торговлей? А это ведь дело нелегкое?

Роза тотчас же насторожилась и посмотрела на меня с подозрением.

– Откуда вам это известно? – спросила она, прищутив свои и без того узенькие глаза. А сама в это время наверняка лихорадочно перебирала варианты: наезд, шантаж?

– Обычный дедуктивный метод, – без тени смущения ответил я. – Могу вкратце обрисовать ваш социальный портрет, если позволите. Без конкретики, разумеется...

– Н-ну попробуйте, – неуверенно ответила Роза. – Посмотрим, что у вас из этого получится...

Наверняка она в свое время читала еще огоньковского Конан-Дойла и привыкла к тому, что сыщик должен, как цыганка, при первой же встрече рассказать клиенту о его прошлом и настоящем. В этом почти «магическом» действии посетитель склонен видеть обещание решения всех его проблем и залог того, что будущее окажется именно таким, каким хочет видеть его клиент.

– Полагаю, сударыня, что в годы советской власти вы работали... в системе торговли, – медленно, как бы наугад, проговорил я. Хотя это-то как раз и было видно невооруженным глазом.

Роза одобрительно кивнула.

– А потом вы решили, что наше государство само прокормится и работать нужно на себя. Организовали фирму, – я не ошибся, действительно оптовые поставки продовольствия? – ага, хорошо... Что же касается, вашей личной жизни, то вы, очевидно, не замужем... Стоп-стоп, вы разведены, – словно бы раздумывая, излагал я, сверля визитершу пронзительным взором.

– Ну, в общем и в целом, верно, – вынуждена была согласиться растерявшаяся Роза.

– А ваши родственники имеют некоторое отношение к юридическим наукам, не так ли? – поинтересовался я, хотя и наверняка знал, что это так.

Просто-напросто в автобиографии, которая была приложена к регистрационным документам (их и скачал Приятель из базы данных государственного отдела регистрации) Роза Валериановна не преминула отметить свое происхождение и место работы родителей.

– Все сходится, – удостоверилась Роза в моей компетенции. – Будем с вами работать.

– Будем, – подтвердил я. – Так что же у вас произошло?

– В том-то и дело, что не у меня, – печально вздохнула посетительница, – а у моей матушки.

– Вот как?

– Ну да, – кивнула она. – Знаете, вроде бы на первый взгляд ничего особенного, ерунда, мелочь, но... Но милиция заниматься этим не будет, у них и так дел хватает, а нанимать кого-то еще... Ну, вы понимаете, да?

– Прекрасно понимаю, – сказал я. Речь шла, разумеется, о бандитах.

– С этими ребятами и так хлопот хватает. А «крышу» напрягать по пустякам не хочется. Скажут: мать, да ты чего, сама, что ли, разгрести не можешь? А если не можешь, то не пора ли тебе на заслуженный отдых? – пожаловалась мне Гагарина.

– Да-а, – посочувствовал я. – Сложное положение. Вы правильно сделали, что решили придти ко мне.

– Надеюсь, что я не ошиблась, – Роза Валериановна вернулась к теме нашего разговора. – В общем, дело обстоит так. Мою маму кто-то обижает.

– Каким образом?

– По почте, – пояснила Гагарина. – Шлет всякую дрянь в конвертах...

– И давно? – по ходу беседы я стал делать пометки в блокнотике.

– Не считала. Только в последнее время все это как-то поутихло.

– А почему? – допытывался я. – Как вы думаете?

– Все очень просто, – ответила Гагарина. – Мама довольно сильно прихворнула и я вынуждена была поместить ее в один хороший санаторий. Вы только не подумайте чего такого... В общем, у нее было серьезное нервное расстройство и я сочла необходимым...

– Все понятно, – кивнул я. – Она лежит здесь, на Пятиалтынной?

– Ага. Только она не лежит. Ходячая больная, пищу сама принимает... – уточнила Роза.

– Ну да, разумеется. Это только так говорится, – участливо поддакнул я. – И что же дальше?

– Эти гады ее и там достали, – сокрушенно произнесла моя клиентка.

– Тоже письмо?

Роза горестно кивнула.

– Нигде покоя нет, – констатировала она. – Мама-то думала, что когда выйдет на пенсию, то отдохнет, расслабится. Черта с два.

Оказалось, что как только Виктория Петровна Гагарина, бывший народный судья, удалась на заслуженный отдых, старушку периодически стали «доставать» какие-то письма и телефонные звонки.

На вопросы дочери о том, что происходит, Виктория Петровна отвечала крайне неопределенно, отмахивалась и говорила, что все это ерунда и не стоит разговора.

И действительно, Гагарина-старшая была очень закаленным человеком и за свою долгую жизнь повидала многое, не говоря уже о судебной практике.

Но вот однажды Роза Валериановна застала свою мать горько плачущей. Для моей клиентки это было серьезным потрясением – такого она еще не видела.

Дело в том, что Виктория Петровна обладала сильным характером и плакала всего три раза в жизни – когда умерли товарищ Сталин, товарищ Брежнев и товарищ Андропов. На товарища Черненко ее слез уже не хватило.

В тот памятный вечер Виктория Петровна сидела у окна, скомкав в руке листок очередного письма.

Дочь тут же бросилась ее утешать, но Гагарина-старшая отстранила Розу и произнесла загадочную фразу: «Не надо, доченька. Это мой крест».

С годами возраст потихоньку брал свое. Резко ухудшились память, координация движений, начались депрессии, бессонницы. Гагарина-старшая начала заговариваться, забывать зажечь огонь под открытой конфоркой газа, дважды теряла ключи от квартиры.

Роза Валериановна долго терзалась, но, в конце концов, приняла решение и, скрепя сердце, определила мать в психлечебницу. А в последнее время дела у больной пошли на поправку и Гагарина уже подумывала о том, чтобы перевезти ее домой.

Но во время последнего визита в больницу Гагарина снова увидела, как мать, завидев Розу торопливо прячет в карман халата письмо. А ведь Роза была твердо уверена, что с собой у нее не было никаких бумаг.

Когда же она выяснила у управляющей, что Виктория Петровна действительно получила недавно послание, то не на шутку встревожилась.

На карту было поставлено здоровье матери и теперь Роза Валериановна не могла рисковать и просто была обязана обратить внимание на эти письма.

Строго-настрога отчитав врачей и запретив персоналу передавать Виктории Петровне какую-бы то ни было корреспонденцию, Роза в этот же день навела справки у своих знакомых и нашла мое объявление в газете.

– Понятно, – проговорил я. – Ну, что ж, я, пожалуй, возьмусь оказать помощь вам и вашей матушке. Давайте определимся по гонорару.

Эта тема, как я и ожидал, оказалась очень сложной. Когда Роза слышала о моих расценках, то у нее глаза сразу же стали в два раза больше.

Она искренне удивилась названной сумме, достала из сумочки калькулятор и предложила мне попробовать объяснить, из каких расходов складываются эти деньги.

Я, разумеется, был спокоен и внятно сумел разложить все по полочкам. Гагарина минут пять молча качала головой, но все же под конец сдалась.

Мы ударили по рукам (в смысле подписания договора) и у меня появился новый клиент.

Когда Роза ушла, я смел со стола две стодолларовые бумажки – суточные на сегодня и завтра и немедленно приступил к работе, для начала отправившись на военный совет к Приятелю.

Врубил звуковой анализатор, я ввел Приятеля в курс моего очередного дела и мы приступили к тщательному разбору ситуации.

На самом деле это только так говорится: мы. Ведь Приятель давно уже с успехом заменял мне мозги, благо такого количества разнообразной информации, которая уже висела у него на винте и которую он мог запросто снять по сетям мне бы не в жизнь не переварить.

Да что там переварить! Даже держать в голове – и то было бы накладно.

А что касается Приятеля, то мой комп был на редкость головастым. Объем его двух винтов составлял по семь гигабайт каждый, а уж что касается разнообразных прибабасов и полезных финтифлюшек, то здесь я не глядя даю сто очков вперед любой самой навороченной компании.

Еще бы! А на что я, по вашему, трачу все свои гонорары?! На апгрейд и еще раз на апгрейд.

Приятель на этот раз был краток и лаконичен. Обычно он, как завзятый шахматист, берет на обдумывание часик-другой, а в особо сложных случаях может и ночь покумекать, пока я дрыхну на тахте. Не то чтобы он такой тугодум, просто Приятелю приходится сопоставлять данную ситуацию с аналогичными, которыми и набита снизу доверху его память.

Любой клиент уверен, что его случай – особенный, и я его в этом не разубеждаю, себе дороже. А на самом деле все старо как мир и нужно лишь находить аналогии, чем и занимается мой компьютер.

И Приятель, сопоставив заданную проблему с прецедентами из мировой судебной практики (и, прошу особо заметить, с сюжетами мировой же детективной литературы), сделает нужный вывод.

Но на этот раз Приятель изрядно огорошил меня своим прогнозом.

Я полагал, что в данном случае мы имеем дело с чем-то вроде запоздалой мести за давнее судебное решение. Однако, Приятель рассудил по-иному.

Через четверть часа с небольшим он выдал мне следующий расклад по полученной информации:

– ЕСЛИ ДОВЕРЯТЬ ТВОЕЙ НОВОЙ КЛИЕНТКЕ, ХАКЕР, ТО ОПРЕДЕЛЯЮ 70 ПРОЦЕНТОВ ВЕРОЯТНОСТИ ЗА ТО, ЧТО ИМЕЕТ МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА ПОЧВЕ СТРАСТИ, 29 ПРОЦЕНТОВ ЗА ШАНТАЖ И 1 ПРОЦЕНТ

ЗА ВЕРОЯТНОСТЬ ТОГО, ЧТО ПИСЬМА К СУДЬЕ ИМЕЮТ ОТНОШЕНИЕ К ЕЕ БЫВШЕЙ РАБОТЕ.

– Оригинально, – пробормотал я, несколько удивленный мнением Приятеля.

– А ЕСЛИ ГОВОРИТЬ НАЧИСТОТУ, – продолжал он, – ТО МНЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, ЧТО ТЕБЕ ДУРЯТ ГОЛОВУ, ВЕШАЮТ ЛАПШУ НА УШИ, ЛЕПЯТ ГОРБАТОГО...

«Никак снова залез в словарь идиом», – подумал я. В последнее время Приятель проявлял склонность к изучению электронных версий всевозможных словарей, энциклопедий, справочников и компендиумов.

– ...И Е... МОЗГИ, – завершил Приятель свой ряд. Последняя фраза была очень под стать его надтреснутому металлическому голосу.

После такого мне оставалось лишь развести руками. Конечно, всякое бывало в моей практике, что тут скрывать...

Но сейчас у меня не возникло ощущения, что клиент меня обманывает. Хотя, если положить на одну чашку весов ощущения, а на другую – мозг Приятеля, то и чайнику понятно, которая из них перевесит.

И на следующий день рано утром я сел в свою тачку и отправился в психушку, чтобы произвести сканирование обстановки и постараться поговорить с Гагариной-старшей.

Роза Валериановна одобрила эту акцию и завершила меня, что непременно предупредит лечащих врачей о моем визите.

Психиатрическая клиника располагалась почти за чертой города на высоком холме.

Картина, открывавшаяся из-за забора, вряд ли могла бы способствовать восстановлению душевного здоровья: уходящие вдаль шпалы железнодорожной ветки, по которым изредка грохотали товарняки. Мне пришлось переждать на переезде пока проедет один такой состав, груженный новенькими автомобилями и старыми бронетранспортерами.

Я оставил свой «жигуленок» перед массивными воротами и, миновав длинную тропинку, вышел через хоздвор и ряд корпусов к административному зданию.

По пути мне попались развалины некогда функционировавшего на территории санатория культурного учреждения, по архитектурному решению напоминавшего сельский клуб. Сейчас на этом месте вяло шло строительство часовни.

Среди изгрызанных червями и кусков замшелых штукатурки на стройплощадке я не без умиления заметил древний лозунг, некогда украшавший сию постройку: «Слава советскому народу – строителю коммунизма».

Хорошо еще, что не «Ленин с нами», как в анекдоте про вендиспансер.

Моя клиентка действительно отзвонила в администрацию и мой визит не был неожиданностью. Можно сказать, что меня почти ждали. Во всяком случае, никаких препятствий для встречи с бывшим народным судьей мне не чинили.

Более того, администратор, поманив меня пальцем вглубь своего прохладного кабинета, продемонстрировал мне очередное послание, направленное Гагариной.

Получив от меня добро, он не без трепета вскрыл конверт и мы удивленно воззрились на потрепанную купюру в десять дойчмарок, вынутую из конверта.

Никаким посланием данное вложение не сопровождалось. Обратный адрес, как вы уже догадались, указан не был.

– У вас что – есть ларек, торгующий товарами, стоимость которых указана в условных единицах? – недоуменно спросил я у чиновника. – Или на территории пси... то есть, санатория, есть обменный пункт? Наверное, сдаете помещение в аренду?

– Нет, конечно, – заверил меня администратор, напуганный таким предположением.

– А зачем же тогда...

– Понятия не имею, – возмущенно проговорил он. – Какие бы цели не преследовал отправитель рисьма, это форменное безобразие! Как это могли пропустить, ума не приложу!

– У вас цензура?

– Да нет, не у нас, – отмахнулся он. – На почте. И не уензура, а выборочная проверка. Ведь в почтовой корреспонденции строгойше запрещено пересылать денежные знаки! Грубейшее нарушение существующих правил, понимаете ли. Как они могли проморгать?

– Вы полагаете? – рассеянно спросил я, внимательно изучая помятый конверт.

– Ну конечно же! – возбужденно подтвердил он. – Я ведь десять лет проработал на почте. Как сейчас помню инструкцию: взрывчатые и легковоспламеняющиеся предметы нельзя пересылать, яды, кислоты.

– А скажите мне пожалуйста... – я хотел задать важный вопрос, но администратора психушки уже нельзя было остановить.

Он чересчур резко погрузился в воспоминания и теперь с упоением воспроизводил инструкции, которые в свое время затвердил назубок:

– Лезвия, броши, значки, скрепки, опиум, гашиш, трубки для их курения, морфий, кокаин, огнестрельное и холодное, гашенные и негашенные...

– Да-да, конечно, – попытался остановить его я. – Ничего нельзя. А вот...

– Почему ничего? – немедленно среагировал администратор. – Очень даже можно. Можно пересылать печатные издания, живые растения, живых пчел, однодневных цыплят...

– Спасибо, я уже все запомнил, – прервал его я. – Письмо было получено сегодня?

– С утренней почтой доставили, – перевел дух администратор. – Знаете что, давайте вернем его и предложим переоформить ценным письмом. Тогда он сможет пересылать, например, коллекционные марки – с объявленной стоимостью подобные вложения разрешены к пересылке.

– Вряд ли у вас это получится, – показал я отсутствующий обратный адрес.

Администратор снова стал возмущаться. Я уже начал бояться, не совмещает ли он службу в психушке с лечением в этом же учреждении, как он снова включился в реальность и, вывел меня под руку из своего кабинета, указал на корпус, в котором помещалась Гагарина.

Так что уже через десять минут я входил в строение номер шесть, стоявшее возле дальней стороны забора, обращенной к близлежащему лесочку.

Врач попросил немного подождать на крыльце, осведомился у больной, хочет ли она видеть посетителя, а потом любезно пригласил меня пройти в помещение.

Больная Гагарина уже поджидала меня в коридоре, стоя возле своей палаты. Бывшая судья довольно приветливо улыбалась, хотя ее руки и ходили ходуном – левая яростно комкала желтый носовой платок.

Виктория Петровна Гагарина оказалась строгой худощавой дамой весьма преклонных лет.

Стянутый серым замахрившимся пояском оранжевый халатик, даже в такой обстановке подчеркивающий ее статную фигуру, вряд ли пришелся бы впору Розе Валериановне. В то время как в блузку моей клиентки вполне могли бы поместиться три ее матушки и еще оставалось бы место.

– Добрый день, Виктория Петровна, – коснулся я ее протянутой руки. – Я к вам.

Старушка вежливо поздоровалась, но с криком отдернула руку, только лишь я притронулся к ее длинным пальцам. Со стороны могло бы показаться, что в моем теле скопился сильный заряд статического электричества.

– Ничего, не обращайтесь внимания, – пробормотала она. – Это иногда бывает...

– Разумеется, – спокойно подтвердил я. – Мне не хотелось бы отнимать у вас много времени. Наверняка у вас строгий режим, лечебные процедуры...

– Ерунда, – громко заявила больная. – У меня свое личное расписание, согласованное с главным врачом. Более того, я сейчас усиленно работаю над новым распорядком дня, который хочу предложить на обсуждение администрации санатория. Понимаете, молодой человек, когда я длительное время повращалась в этом в коллективе, то мне стали близки чаяния здешних постояльцев и я сочла возможным...

Тут она поправила халат, распахнувшийся на груди и вдруг замолчала на середине фразы.

– Что-то не так? – осторожно осведомился я.

– Все не так, – обреченно прошептала Виктория Петровна. – Все совсем не так.

– Это вы про лечебный режим?

Она отрицательно покачала головой и больно вцепилась мне пальцами в локоть.

– Давайте с вами немного прогуляемся, – намеренно громко произнесла она. – Здесь такой чудесный воздух, кислород так хорошо вентилирует легкие...

Я послушно последовал за Викторией Петровной на улицу из душной атмосферы палаты.

Судя по меланхоличному взгляду накачанного вахтера, который молчаливо кивнул ей на дверь, когда та попросила у него разрешения «немного побродить по территории», Виктория Петровна действительно была не так уж больна, если ей беспрепятственно разрешали выходить наружу.

– Там, внутри все на нас смотрят, – смущенно объяснила она. – В палате совершенно невозможно разговаривать. Такое впечатление, что у них не уши, а локаторы.

Мы медленно шли по дорожке, выложенной битым мрамором возле высоких тополей.

Забор по сравнению с ними казался крошечным, и возникало впечатление будто эти великаны подметают полуголыми вершухками низкое осеннее небо.

Бабье лето медленно, но верно катилось к честной осени и солнце нехотя отработывало последние теплые деньки. Мне даже стало немного душно в своей куртке-плащевке и я до половины расстегнул молнию.

– Виктория Петровна, – приступил я к делу, – ваша дочь попросила меня навестить вас и...

– Дочь? – удивленно переспросила Гагарина. – Моя дочь? Как это странно...

Старушка нервно передернула плечами и неожиданно остановилась, слегка наклонив голову, словно прислушиваясь к шуму деревьев.

– ...попросила меня поговорить с вами относительно тех писем и звонков, которые с давних пор причиняют вам такое беспокойство, – продолжал я.

Гагарина по-прежнему молчала, продолжая напряженно вслушиваться в шелест ветвей.

Вдруг она резко оглянулась, но не увидев никого за своей спиной, облегченно вздохнула и виновато улыбнулась.

Я заметил, что Виктория Петровна сильно побледнела. Старушка дрожала всем телом и еще сильнее держала меня за локоть, впиваясь ногтями в плащевку.

«Пожалуй, ее зря все-таки выпускают наружу без сопровождения санитаров, – подумал я. – Мое первое впечатление оказалось ошибочным, старушке еще лечиться и лечиться».

– Кто-то обвиняет вас? Угрожает расправой? – предположил я. – Что это было, Виктория Петровна? Судебная ошибка? Запоздалая месть? Или нечто более серьезное?

– Все это е-рун-да, – отчеканила старушка. – Не понимаю, зачем вы тратите время на подобные пустяки.

– Но позвольте...

– Молодой человек, – насмешливо произнесла она, снисходительно глядя на меня, – за свою жизнь я вела столько дел, что все их и не упомянуть. А обиженные... Они всегда найдутся, это неизбежно, Могу лишь четко заявить вам, что я выполняла свой долг и выполняла его честно. А то, что вы говорите – полная чушь.

– Так вы получали письма? – спросил я напрямик, не понимая, к чему клонит старуха.

– Да, – глухо отозвалась Виктория Петровна. – Последнее пришло даже сюда. Хотя уж этого-то я никак не ожидала.

– Вы его не уничтожили? Вы можете мне его показать? – попросил я. – Поверьте, это очень важно.

Немного поколебавшись, Виктория Петровна сунула руку в широкий вырез халата и извлекла оттуда изрядно помятый листок бумаги.

Похоже, что Гагарина хранила его на груди, а если быть точнее, то между грудей – когда она доставала письмо, мелькнули белые кружева бюстгалтера.

И вот, в тот момент когда я протягивал руку за этим бумажным прямоугольником, раздался громкий звук, очень похожий на удар хлыста.

Ребенком я часто слышал его в цирке, когда укротитель взмахивает рукой и плеть издает громкий хлопок. Став взрослым – подчас слышал его на улицах, в квартирах, днем и ночью. И всегда этот звук предвещал неизбежное зло, потому что нес с собой смерть.

Это был звук выстрела.

Виктория Гагарина, вздрогнув от неожиданности, удивленно уставилась себе на грудь. На ее оранжевом халатике медленно расплывалось красное пятно.

Она осторожно дотронулась до материи дрожащими пальцами, медленно поднесла их к лицу и зачем-то понюхала, испачкав кровью свой нос.

Жалобно посмотрев на меня, старушка еле слышно прошептала, начиная оседать на землю:

– Поймайте... его...

Я понял, что нельзя терять ни минуты, злобно выругался и побежал со всех ног в направлении предполагаемого выстрела.

Пуля попала Виктории Петровне в спину, так что стрелявший наверняка находился неподалеку.

Сориентировавшись на бегу и выбрав как наиболее верный ориентир чахлый ельничек метрах в пятидесяти, я устремился туда со всех ног.

Могу сказать со всей откровенностью, не опасаясь обвинений в трусости: очень неприятно двигаться по открытой местности, зная, что в любую секунду можешь стать удобной мишенью для невидимого тебе убийцы.

Он-то укрыт от глаз в еловых зарослях, а ты весь перед ним как на ладонке. Взять, да и прихлопнуть – плевое дело, господа.

Но, очевидно, в коварные планы стрелявшего не входила вторая жертва.

Выстрела, который мог бы спокойно уложить меня на месте не последовало.

Да и мне не удалось достигнуть намеченного пункта – оказалось, что со стороны леса, круто уходящего в гору, санаторий был обнесен не только высокой стеной, но и тройной оградой из колючей проволоки.

Запыхавшись от бешеного бега, я вскарабкался на стену и, пошатываясь, стоял на узкой площадке, беспомощно смотря на тонкие зеленые иглы елей, шевелящиеся с каждым движением ветерка. Казалось, что они меня дразнят.

С отчаянием констатируя, что если я даже и смогу прыгнуть наружу без риска для жизни, то убийцу мне все равно не догнать, – ведь не будет же стрелявший сидеть в своем укрытии, дожидаясь, пока я схвачу его за горло. В данной ситуации мне оставалось только вернуться к умирающей Гагариной.

Обратный путь я преодолел быстрее раза в два – ведь Виктория Петровна могла хотя бы что-то мне сказать! Должна была сказать!

Она и сказала.

Корчась в предсмертных судорогах на опавших листьях, Виктория Петровна поманила меня пальцем к себе и, когда я шмякнулся рядом с ней на колени и склонил ухо к ее перекошенному рту, прошептала:

– Наконец-то весь этот бред закончился, – и зачем-то добавила, – для меня.

Это было все, что Виктория Петровна Гагарина сочла возможным поведать мне в последние секунды своей долгой жизни.

Как вы сами понимаете, следующие два часа оказались для меня каким-то сплошным кошмаром.

Сначала меня чуть не пристрелили пьяные омовцы, все же подоспевшие на звук выстрела – они охраняли территорию санатория и мирно бухали во флигеле, когда застрелили Викторию Петровну Гагарину.

Потом подъехал еще более пьяный майор, который стал дико орать на смурных омоновцев, упрекая их за то, что они даром едят государственный хлеб, если у них под носом убивают психов.

А еще через полчаса явился совершенно никакой полковник. Он был слегка дезориентирован во времени и пространстве, потому что угрожал отправить майора в Афганистан. Полковник орал на майора так, что сорвал голос и в конце уже лишь хрипел.

В конце концов, меня спихнули какому-то трезвому по непонятной причине капитану, который за полчаса снял с меня показания и отпустил восвояси.

Такое мудрое и правильное решение было принято им отнюдь не сразу.

На самом деле – сидеть бы мне за решеточкой какое-то время, если бы не – кто бы вы думали? – дед на лошадке, ехавший из пищеблока на помойку.

Этот всеми уважаемый работник obsługi санатория клялся и божился, что своими собственными глазами видел, как мы мирно беседовали с Викторией Петровной и что я не стрелял в несчастную старушку, а совсем наоборот – даже пытался преследовать преступника.

Авторитет деда в психушке был настолько велик, что никто не усомнился в его показаниях и я был отпущен на все четыре стороны до поры до времени.

...Потихоньку приходя в себя от шока, я медленно ехал домой.

Обычная городская жизнь после всего пережитого за эти часы казалась мне сейчас такой же странной и нереальной как человеку, который провел бы, например, долгие годы на необитаемом острове и вдруг оказался в центре цивилизации. Я не мог понять, как люди могут просто так ходить по улицам, глазеть на лотки и витрины.

Спешащие на службу клерки, алкаши, похмеляющиеся пивом на скамейках, шестисотые «мерседесы», то и дело сталкивающиеся с «запорожцами» – простая ежедневная обыденность казалась после посещения психушки фантастичнее любых самых забойных фэнтэзи.

И только у себя дома, плотно заперев дверь и наглухо задернув шторы, я достал из кармана измятое письмо, которое сунул впопыхах в карман куртки, перед тем, как погнаться за убийцей.

Разумеется, во время допроса я ни словом не обмолвился о том, что Виктория Петровна Гагарина успела передать мне эту бумагу. Иначе мне пришлось бы вдаваться в подробности, что было бы совершенно излишним.

Я вообще наотрез отказался говорить о деле, с которым я приехал в санаторий, переадресовав все обращенные ко мне вопросы к Розе Валериановне.

Кстати, следует особо отметить: моя клиентка не замедлила подтвердить капитану, что я работаю на нее и что я не хрен собачий, а профессионал в своей области. За что Розе Гагариной от меня тотчас же последовала глубокая телепатическая благодарность.

Итак, передо мной лежит обыкновенный конверт с цветным изображением на редкость задумчивого русского писателя, который стоит перед тарасовским городским садом, очевидно продолжая размышлять над поставленным им в свое время вопросом: «Что делать?»

Круглый штемпель, как ему и положено, был на редкость нечетким, так что мне пришлось прокатать конверт на сканере с обработкой изображения для того, чтобы Приятель попробовал разобрать, что же тем значит.

«Вот это техника! А лупа, господа, – подумал я, вспомнив первое посещение Розы Валериановны, – это уже даже не позавчерашний день, а гораздо более отдаленный период».

Пока Приятель «читал» смазанное пятно штемполя, я внимательно изучил вложенный внутрь листок. Сложенный пополам огрызок содержал не так уж много текста:

«Тебе приветик от Марка. Готовься к смерти, старая садистка».

Вот такое нежное послание.

Если и все предыдущие письма были в том же духе, то неудивительно, что с возрастом нервы Виктории Петровны оказались расшатаны.

Приятель, разумеется, быстренько разобрался со штемпелем и вывел на монитор идеальное его изображение. Но номер пятьдесят четвертого почтового отделения вряд ли мог оказаться ключом к разгадке, поскольку это был номер почты, расположенной рядом с психушкой.

Ведь письмо можно бросить в почтовый ящик в любом месте города, и обнаружить, в каком именно, не представлялось возможным.

Что же касается числа, то оно совпадало с датой, которую назвала мне Роза Валериановна – именно в этот день моя клиентка увидела письмо от незнакомца в руках своей матери. Информации негусто, но это все же лучше, чем совсем ничего.

Я позвонил Розе на работу. Ожидая соединения, я попытался настроиться на скорбный лад и заготовил приличествующие выражения соболезнования.

Подобные словесные выражения чувств всегда давались мне с большим трудом. Вроде бы, чисто ритуальное проговаривание, но все равно приходится прилагать усилия.

Однако я даже не успел начать первую фразу. Роза Валериановна тотчас же взяла крайне деловой тон (чувства – чувствами, а работа – работой) и предложила сегодня же встретиться, чтобы обсудить, как она выразилась «дальнейший ход нашей совместной деятельности».

Центральный склад оптовой торговли под игривым названием «Розалинда» – я усмотрел здесь прозрачный намек на имя моей клиентки – располагался в полуподвальном помещении здания кукольного театра.

Хозяйка предприятия была в черном платье и шелковом шейном платке такого же цвета. Тем не менее, Роза Валериановна выглядела так же деловито, как и обычно, и глядя на мою клиентку, склонившуюся над бланками отчетности и погруженную в сложные вычисления, трудно было представить, что госпожа Гагарина только что потеряла родную старушку-мать в результате злодейского убийства.

– Работа ждать не станет, – словно читая мои мысли, произнесла Роза. – Такие сейчас времена.

Я уловил проскользнувшие в ее интонации нотки оправдания и покачал головой в знак согласия.

– Да и отвлечься помогает, – со вздохом добавила она, отрываясь от бумаг.

В самом начале разговора мы определились в одном крайне важном пункте. А именно: Роза Гагарина не имела никаких претензий, в том числе и косвенных, по результатам моей работы на данный период.

Вы скажете: а что тут такого особенного? Какие могут вообще быть претензии?

Однако подобное недоумение может возникнуть только у очень наивного и абсолютно неинформированного человека.

Окружающая нашего брата – частного детектива – действительность подчас сталкивает нас с непредвиденными ситуациями. А клиент – он и в Африке клиент: норовит заплатить поменьше, а получить побольше.

А уж если есть хоть малейшая возможность вчинить иск и затребовать через суд компенсацию, то мало кто не соблазнится воспользоваться такой перспективой.

Я, что тут скрывать, даже заготовил небольшую речь на тот случай, если Роза Валериановна вдруг вздумает «качать права» и обвинять меня в смерти ее матушки, дескать – не убе-рег.

Тогда бы я напомнил ей про составленный нами договор, где отдельным пунктом говорится о том, что «Исполнитель» не берет на себя охранные функции и не несет ответственности за безопасность «Объекта».

– Нет-нет, разумеется, вы тут не при чем, – деловито произнесла Роза Валериановна. – Более того, я намерена несколько уточнить задачу, которая теперь стоит перед вами. Меня интересует убийца, а не только тот человек, который бомбардировал мою бедную матушку сво-

ими письмами и звонками. Если это один и тот же человек, то ваш гонорар остается прежним. Если речь идет о разных людях (что маловероятно, на мой взгляд), то сумма удваивается.

Я, конечно, немедленно согласился. Тем паче, я что не исключал и такой возможности: даже если речь идет об одном и том же человеке, то он мог не марать руки, а нанять для убийства киллера, и в таком случае с формальной стороны речь шла бы о двух людях и, соответственно, о двойном гонораре. Прошу заметить, во мне говорила не алчность, а здоровое стремление получать оплату, соответствующую проделанной работе.

– Милиция склонна считать, что это хулиганство, – поведала мне Роза Валериановна, – да-да, не смейтесь. Представляете, какие у них представления о том, что считать хулиганством! Если палить с пригорка по клиентам психбольницы – это хулиганство, то что же тогда – серьезное преступление? Хулиганство – это когда витрину разбить, или собачку пнуть на улице... Как вы полагаете?

– В принципе, я согласен с вами, – ответил я. – Давайте-ка побеседуем поподробнее о вашей матушке. Может быть, есть какие-то зацепки в ее прошлом, в судебных делах, которые она вела...

Я огляделся по сторонам. Как-то не хотелось говорить о столь важных вещах в присутствии посторонних – в помещении склада кроме нас находился еще один работник. Мужик с плеером в ушах что-то лихорадочно считал на калькуляторе, не обращая на нас никакого внимания. Роза Валериановна тотчас же поняла, что я имею в виду.

– Жора! – окликнула его Роза. – Сходи проветрись немного, заодно и в гараж заглянешь. Ноль внимания.

– Жора! – завопила Гагарина. – Я к кому обращаюсь, черт тебя дерит!
Снова никакой реакции.

Решив, что с плеером Walkman ей не тягаться, Роза Валериановна подскочила к работнику оптового склада и выдрала у него из ушей наушники.

– А? Что такое? – переполошился тот. – Машина уже пришла?

– Иди гуляй, – проорала ему в ухо Роза Валериановна. – Посетитель у меня, понял?

Меломан-Жора мгновенно ретировался, на бегу ковыряя мизинцем в ухе – то ли выковыривая оттуда оставшиеся после плеера звуки, то ли устраняя последствия крика своей начальницы.

– Вынуждена вас огорчить, Валера, мне почти нечего добавить к уже сказанному, – задумчиво проговорила Роза Валериановна. – Фактов нема.

Мы сидели за ее рабочим столом, с которого моя клиентка сгребла бумаги в ящик.

Перед нами бурчала итальянская кофеварка. Красный круглый поплавочек опускался все ниже и ниже, а из отверстия в чашки с растворимым кофе через помутневший фильтр шлепались плевки кипятка.

– Впрочем, я кое-что припоминаю, – вдруг оживилась Роза Валериановна. – Маманя как-то раз ходила в милицию по поводу этих писем.

– Вот как?

– Ну да, была у нее такая блажь, – подтвердила Роза. – Как и следовало ожидать, ее послали. Не в буквальном смысле, разумеется. Маму выслушали, но дела заводить не стали.

– Скажите, а вы разбирали ее бумаги? Может быть, остались какие-то письма? Ведь это могло бы пролить свет на происшедшее...

– Да смотрела, – лишь махнула рукой Роза. – Ничегошеньки нету.

Она быстро протянула руку к пышущей паром кофеварке и вовремя успела ее выключить. Роза высыпала в кофе пакетик сахара и пододвинула мне чашку темного стекла.

– Знаете, что я думаю? – наклонилась она ко мне, таинственно сузив глаза. – Она уничтожила все бумаги. Дело было так. Пошла я однажды в магазин. Возвращаюсь, а на кухне – чад, хоть топор вешай. Что такое? Как так вышло?

Она сделала паузу, как бы ожидая, что я разрешу эту загадку. Удостоверившись, что я остаюсь пребывать в заинтересованном молчании, Роза Валериановна продолжала свою загадочную историю.

– Я мигом побежала к команту к мамане. Она руками разводит, говорит, что полотенце загорелось, когда чайник с плиты снимала. Я расстроилась, поахала-поахала, да и забыла. А потом посмотрела – края-то у полотенчика не обуглены. Выходит, слукавила маманя, верно я говорю?

– Выходит, что так, – согласился я. – А зачем она так сделала, как вы думаете?

– Вот я и полагаю, – завершила свой рассказ Роза, – что перед тем, как в больницу лечь, она все и пожгла на кухне в мое отсутствие. Я тогда еще кусочек прилипшего пепла в унитазе видела. Сначала подумала, что таракан, а сейчас сопоставила все и поняла – пепел. Вот такая история вырисовывается.

– Значит, получается, что последнее письмо, которое пришло в больницу – единственное, и другими бумагами мы не располагаем, – мрачно констатировал я.

Когда я продемонстрировал Розе листок из конверта, она жадно впилась в текст, но, прочитав его, лишь пожала плечами.

– Марк? Какой еще Марк? – скривила она рот. – Нерусский, вроде, как я понимаю. Отродясь не знала я никаких Марков... Да и маманя никогда мне душу не изливала, по правде говоря. Что там у нее было по работе – я не спрашивала, а она не рассказывала. Так и жили.

– Ну, а, может быть, вы припомните какие-то случайные слова? – продолжал я виртуально насиловать память своей клиентки. – Оговорки, намеки.

– Ни фиги подобного, – виновато проговорила Роза Валериановна.

– Тогда какие-то впечатления? – наседал я на нее. – Ощущения, наконец...

– Н-ну, – нерешительно произнесла Роза, – висел у нее на душе камушек. Теперь я точно кое-что знаю.

Я немедленно оживился.

– Почему вы так думаете?

– Сон мне был, – со значением произнесла Роза Валериановна, таинственно глядя мне в глаза, – под пятницу.

– Ах сон... Ну и что из этого следует? – вяло пррговорил я, сразу потеряв интерес к нашей беседе.

– Как это «что»? – искренне возмутилась Гагарина. – Каждый младенец знает, что под пятницу сны сбываются. Вот на позапрошлой неделе привиделось мне, что я гадюку молочком пою. И что же?!

– Да, и что же? – машинально спросил я, допивая свой остывший кофе.

– С самого утра налоговая нагрязнула, – торжествующе поведала мне Роза. – А вы говорите...

– А я ничего и не говорю, я вас слушаю, – улыбнулся я. – Давайте вернемся к делу. Так что вам точно стало известно после сна под пятницу?

– Привиделась мне под утро мамочка, прямо как живая, – грустным голосом сказала Роза. – Смотрела она на меня пристально и повторяла всего одно только словечко: «ма-альчик, ма-альчик».

Гагарина смахнула скупую женскую слезу и громко высморкалась в крошечный кружевной платочек.

– Очень интересно, – отозвался я. – И что же это, по-вашему, может значить?

– Да я вот и припомнила, что как-то раз по осени мамаша передачу «Служу Советскому Союзу» по телеку смотрела и все вздыхала тяжело. Я ее спрашиваю тогда: «Сердце прихватило? Корвалолу накапать?» А она говорит: «Нет, доченька, не беспокойся. Я просто думаю, про одного скамеечника».

– Скамеечника? – нахмурил я брови. – Что же означает это слово?

– Ну, так они между собой называли тех, кто на скамье подсудимых сидит – скамеечники, значит, – пояснила мне Роза тонкости судейского жаргона. – Может быть, этот-то парень ей и мстил?

– Вы думаете, что это как-то связано с армией? – ухватился я за ниточку. – За что его судили? Уклонение от военной службы? Дезертирство? Как это можно установить?

– Нич-че не помню, – отрезала Роза. – Вроде, мама говорила, что с этим мальчишкой произошло что-то нехорошее. А потом мы просто на другой канал переключили.

«Негусто, – подумал я, – придется поднимать дела Гагариной».

– В общем, – подвела итог Роза, – можно сказать, что маманя чем-то тяготилась на пенсии, виноватой себя ощущала – времени-то у нее было много, чтобы подумать о жизни. Но я даже не могу сказать, в чем это выражалось. Жизни не радовалась, что ли...

– У вашей матушки были подруги?

– А как же! – тут же откликнулась Роза Валериановна. – Голубева Анечка, школьная учительница, тоже на пенсии. Раньше они даже в театр вместе ходили раза два и открытки друг другу на восьмое марта писали.

– Так-так-так, – я даже потер ладони от радостного ожидания. – И что же, эта Анечка Голубева может быть в курсе, как вы полагаете?

– Почему бы и нет? Кто их знает, о чем они болтали при встречах? – пожала плечами Роза Валериановна. – Загляните к ней, уважьте старушку. Ученички-то к ней нечасто заходят...

Я воспользовался этой возможностью и уже через полчаса сидел в доме у Анечки.

Эта особа оказалась низенькой скромной старушкой с добрыми лучистыми глазами.

Она смотрела на меня так нежно и ласково, что мне я поймал себя на мысли, что мне очень хочется угостить ее шоколадной конфетой. Может быть, потому что Анна Андреевна Голубева все время облизывалась.

Учительница на пенсии проживала в огромной комнате коммунальной квартиры – особняк с полуосыпавшимися кариатидами, расположенный в самом центре города ранее занимала гостиница. Узкий длинный коридор причудливо извивался между рядами высоких дверей, за одной из которых и обитала приятельница покойной Виктории Петровны.

Вся мебель в комнате была заставлена десятками фарфоровых зверушек разного калибра – от еле видной невооруженным глазом мышки до внушительных размеров слона.

Вторым пристрастием госпожи Голубевой были плетеные вазочки ручной работы, которые были расставлены где попало и заполнены всякой дрянью вроде замахрившихся лоскутков, мятых календарных листочков и клочков ваты, посеревших от пыли.

Наконец, у госпожи Голубевой были очень тесные отношения со временем. К ее квартире я насчитал одиннадцать часов – с гирьками, кукушками, стрелками и без оных.

Не то, чтобы это была коллекция, просто часики висели в ряд на стене, кстати сказать, ни одни из них не ходили; когда Анне Андреевне нужно было принимать лекарство, она откидывала рукав на правом запястье и сверялась с японской электронной поделкой в пластмассовом корпусе – такие часы продаются на каждом углу в каждом комке за шесть тысяч.

После невнятного бормотанья с моей стороны о невосполнимой утрате (при этом я почему-то представлял себе стертый по неосторожности файл с важной информацией, который не подлежал восстановлению – так мне было проще выражать свои чувства) и сдержанного плача со стороны Анны Андреевны (ей пришлось принять подряд две дозы валерианы, в которую тяжелыми каплями шлепались печальные слезы моей собеседницы), мы наконец перешли к делу.

– Письма? – зачем-то оглянулась Анна Андреевна по сторонам, обводя взглядом свое жилище. – Но Вика никогда не говорила мне ни о каких письмах, впервые об этом слышу. Очень странно... Как раз наоборот, Вика все время жаловалась мне, что ей никто не пишет.

– Да-а? – искренне удивился я. – А вот у меня совсем другая информация...

– Меня многие ученики поздравляют с праздниками, пишут письма и открытки, – с гордостью проговорила Анна Андреевна, – и я их все храню. Сейчас вам покажу.

Она подошла к массивному шкафу с облупившейся полировкой и не без труда открыла тугую дверцу.

– Ого! – только и смог произнести я. – Сколько же у вас корреспондентов!

Вся внутренность шкафа была под завязку забита стопками почтовых открыток и конвертов.

Они угрожающе покачивались на самом верху, обещая вот-вот рухнуть наружу, а те, что были внизу, казались намертво спрессованными между собой.

– Очень много, – похвалилась Голубева. – Я только никак не могу выбрать время для важной работы – намереваюсь на досуге разобрать письма, да все руки не доходят. Опять же, никак не могу решить, по какому принципу классифицировать: по именам, или по праздникам.

– Действительно, очень сложная задача, – посочувствовал я учительнице.

– По именам, вроде бы, разумнее, – делилась со мной своими сомнениями Голубева. – Сразу видно, кто сколько писал. А ведь знаете, у меня были очень известные ученики. В смысле, что сейчас они достигли многого. Есть два с половиной депутата – один не прошел, потом певец, двое фотомоделей в приличных журналах и трое директоров предприятий с ограниченной степенью ответственности, теперь так, кажется, это называется...

– Да-да, теперь это называется именно так. Скажите, а вот Виктория Петровна... – попытался я вернуться к намеченной теме, но Анна Андреевна еще не закончила посвящать меня в свою проблематику.

– А если классифицировать по праздникам, то в порядке временному или в порядке значимости? Ведь праздники бывают разные. Все время вводят какие-то новые... Я уже даже запуталась... Когда у нас теперь день Конституции?

– Двенадцатого декабря. А Виктория Гагарина получала от вас письма? – спросил я.

– Конечно, мы ведь обменивались поздравлениями довольно регулярно, – подтвердила мое предположение Анна Андреевна. – Иногда даже писали друг другу на двадцать третье февраля, хоть мы с ней и женщины.

– Значит, все же она получала письма? Хотя бы от вас, верно ведь? – уточнил я.

– Да, конечно, – кивнула Голубева. – Но кроме меня ей никто никогда не писал. Не будут же подсудимые посылать поздравительные открытки человеку, который зачитывает им приговор! Хотя, мне кажется, что вопрос вежливости здесь должен перевешивать эмоциональный подход.

– А вам никогда не приходилось бывать в суде? – с улыбкой спросил я.

– Что вы! Как можно! – искренне ужаснулась Голубева. – Да, так о письмах. Когда я Вике говорила, что Лиду неизвестные поклонники забрасывают какими-то странными посланиями, то она сказала: «А мне вот никто не пишет. Знаете, какое это чувство, когда вынимаешь из почтового ящика адресованное тебе письмо? Я была бы рада получать даже письма с угрозами, вроде твоей Лиды». По-моему, очень самонадеянное заявление, вам так не кажется?

– Лида – это кто? – заинтересовался я. – Ваша бывшая ученица?

– Зачем ученица? Лида – это моя племянница, – поджав губы, объяснила мне Анечка. – Знаете, на редкость хорошая девушка, одна живет, никого к себе не водит. А то теперь, вы знаете, некоторые своим телом торгуют, и заявляют, что это такая нынче профессия и что скоро у них будет свой профсоюз.

– И не говорите! – торопливо согласился я с пенсионеркой. – А нельзя ли поподробнее услышать о вашей племяннице? Вы сказали, что она получает письма с угрозами?

– Можно сказать и так, – пожала плечами Анна Андреевна. – Ей кто-то пишет про какого-то Марка, память которого Лида якобы предала. Наверное, какие-то детские обиды. Знаете, мальчик думает, что дружит с девочкой, а потом все выходит совсем не так, как ему хотелось...

Короче, я клюнул на имя Марка. Разузнав у Анны Андреевны где живет ее племянница, я распрощался, пожелав Голубевой здоровья.

Заскочив домой перекусить, я не забывал о деле снял с Приятеля небезынтересную информацию.

Пока я гостил у Анечки, компьютер скачал из судебных архивов кое-что актуальное.

Оказывается, у судьи Гагариной В.П. за 30 лет бессменной работы в органах «третьей власти» было двое "скамеечников, как она выражалась, по имени Марк.

Старушка наверняка не знала о новых веяниях в своем ведомстве, когда говорила своей дочурке Розе, что всех мол, и не упомнишь, кого в свое время засудила.

Как раз наоборот. Теперь можно было вспомнить всех поименно, благо судебные органы обзавелись теперь солидным компьютерным цехом.

То ли чиновники действительно работали на совесть, то ли штатное расписание было неимоверно раздуто и за машины посадили каких-нибудь наборщиц, но факт останется фактом – в базу данных были занесены все дела за послевоенное время. Занесены, разумеется, на уровне справки, но и то было чересчур большой роскошью для нашего города.

Первым среди «Марков» значился Гришевский Марк Семенович 1925 года рождения, следующим шел Зацепин Марк Абрамович 1938 года рождения. Адреса прилагались.

Таким образом, было из кого выбирать. Если, конечно, Марк, который упоминался в письме – это имя, а не что-нибудь другое – например, кличка.

Приятель, кстати, учел такую возможность. Он прошелся по списку в параноидальном режиме, позволяющем выявлять скрытые возможности, и извлек Маркелова Илью Владимировича 1964 года рождения.

Этот товарищ, то бишь гражданин меня очень заинтересовал.

Во-первых, дело Маркелова было последним делом, которое вела Гагарина перед уходом на пенсию. Во-вторых, состав преступления был весьма серьезным: за убийство, совершенное в 1984 году Маркелов И.В. вместе с четырьмя своими сообщниками был приговорен к смертной казни, которая была заменена после кассации на двадцатилетний срок лишения свободы.

Восприняв в свою очередь, мою информацию Приятель всерьез «задумался». Выстроив цепочку, одна стрелка которой шла от Розы Гагариной к покойной Виктории, он прочертил еще одну к Голубевой, и от Голубевой к Лиде, надписав сверху «Марк?»

– А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? – задался риторическим вопросом компьютер. – СХОДИ К ЛИДЕ, ТОЛЬКО БУДЬ ОСТОРОЖЕН. НЕЗАМУЖНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЕЕ ВОЗРАСТЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСНЫ. А ТЫ МНЕ НУЖЕН ЖИВЫМ.

Приятель был очень вежливым компьютером и любил напоминать мне о пользе, которую я ему приношу. Каждый раз после чистки он благодарил меня по-английски и играл какую-то странную мелодию, которую подцепил во время блуждания по сетям.

Когда я однажды попытался разобраться, что это напевает мой «пентиум», то оказалось, что это гимн Филиппин.

...В тесном и темном коридоре квартиры, где проживала Лида, я едва смог развернуться, чтобы повесить куртку. Хозяйка стояла возле открытой двери, ведущей в комнату, чтобы не ограничивать мои движения в столь скудно отмеренном пространстве.

Дождавшись, пока я пройду, она предложила мне усаживаться. Потупив глаза, хозяйка села на стул напротив и в смущении начала теревить бахромую скатерти, свисавшей со стола.

– Так вы, значит, говорите, что тетя посоветовала вам ко мне зайти? – еле слышно проговорила девушка, не поднимая глаз.

– Да-да, именно так. Анна Андреевна, – подтвердил я. – На редкость милая у вас тетя.

– Ну, раз так, – тяжело вздохнула Лида и, якобы незаметно распахнув поу халатика, закинула ногу на ногу так, что мне были видны даже бедра.

– Э-э... – покосился я на ее конечности, – видите ли, дело у меня особенное. Можно сказать, сугубо личное.

– Ах особенное... – Лида всерьез задумалась. – Ну, тогда я просто и не знаю...

Она закатила глаза и, запрокинув назад голову, робко провела себя руками по груди, остановившись на сосках и высунула розовый кончик языка.

– Так, значить... Я уже готова, – проговорила она, прерывисто дыша, – вас выслушать.

– Замечательно, – как можно более деловым тоном проговорил я.

Ее халатик был готов вот-вот развязаться, – пока Лидочка вертела своим корпусом, узел на пояске расслабился до опасного предела. Я понял, что под халатом у нее ничего нет, кроме тела и, решив не искушать судьбу, поднялся со стула и подошел к окну.

Девушка, несмотря на определенный шарм, впрочем, слегка вульгарный, была явно не в моем вкусе, – полновата, грубовата, отчасти аляповата и явно не в себе. Сразу в ЗАГС потащит, потом хлопот не оберешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.